

Структурные и тайминговые трансформации рождаемости – угрозы демографической безопасности Республики Татарстан

Ч. И. Ильдарханова¹ В. Н. Архангельский^{1,2} Г. Н. Ершова¹ ✉

¹ Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(г. Казань, Российская Федерация)

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ ershova104@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность статьи определяется значимостью оценки детерминант рождаемости для выявления возможных перспектив ее изменения и корректного обоснования направлений и мер демографической политики, направленной на ее повышение. Цель исследования – определить детерминанты снижения рождаемости в Республике Татарстан в 2020–2022 гг. в сравнении с допандемийным периодом и спрогнозировать их влияние.

Материалы и методы. Проведен расчет и компонентный анализ динамики повозрастных показателей рождаемости в Республике Татарстан, оценено влияние структурного фактора и фактора интенсивности рождений, а также косвенного фактора – повозрастных коэффициентов брачности. Методом передвижки возрастов спрогнозированы динамика рождаемости и воздействие на нее указанных факторов до 2042 г.

Результаты исследования. Выявлено, что снижение общего коэффициента рождаемости в Республике Татарстан в 2020–2022 гг. произошло ввиду изменений половозрастной структуры населения. Превышение коэффициента суммарной рождаемости региона показателей Приволжского федерального округа и Российской Федерации обусловлено более высокими суммарными коэффициентами по первым и вторым рождениям. Определено, что разница между средним числом первых рождений для реальных поколений и для календарных лет детерминирована тайминговыми сдвигами ввиду откладывания первых рождений в связи с поздним вступлением в первый брак и в зарегистрированных браках.

Обсуждение и заключение. Прогнозируется снижение численности молодежи до 2028 г. и числа рождений до 2031 г. Негативное влияние фактора половозрастной структуры населения продлится до 2030 г., в 2030-е гг. структурный фактор будет способствовать повышению общего коэффициента рождаемости. Полученные результаты могут быть использованы при определении гипотез в отношении перспектив рождаемости при разработке прогноза демографического и социально-экономического развития. Корректная оценка детерминант рождаемости дает основания для разработки эффективных мер демографической политики в отношении рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость в реальных поколениях, очередность рождения, тайминговые сдвиги в рождаемости, суммарный и возрастные коэффициенты рождаемости, компонентный анализ, индексный метод, Республика Татарстан

© Ильдарханова Ч. И., Архангельский В. Н., Ершова Г. Н., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ильдарханова Ч. И., Архангельский В. Н., Ершова Г. Н. Структурные и тайминговые трансформации рождаемости – угрозы демографической безопасности Республики Татарстан // Региониология. 2024. Т. 32, № 1. С. 126–143. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.126-143>

Original article

Structural and Timing Transformations of Fertility – Threats to Demographic Security of the Republic of Tatarstan

Ch. I. Ildarhanova^a, V. N. Arkhangelskiy^{a,b}, G. N. Ershova^a ✉

^a Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russian Federation)

^b Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
✉ ershova104@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the article is determined by the importance of assessing the determinants of fertility to determine the possible prospects for its change and the correct justification of the directions and measures of demographic policy aimed at increasing it. The aim of the study is to identify the determinants of fertility decline in the Republic of Tatarstan in 2020–2022 in comparison with the pre-pandemic period and to predict their impact.

Materials and Methods. The authors have calculated and analyzed the dynamics of age-specific fertility rates in the Republic of Tatarstan. The influence of the structural factor and the factor of birth intensity, as well as the indirect factor – age-specific marriage rates – was estimated. Using the method of age movement, the dynamics of fertility and the impact of these factors on it up to 2042 were forecasted.

Results. The decrease in the total fertility rate in the Republic of Tatarstan in 2020–2022 was due to changes in the sex and age structure of the population. The excess of the total fertility rate of the region over the indicators of the Volga Federal District and the Russian Federation is due to higher total coefficients for first and second births. The difference between the average number of first births for real generations and for calendar years is determined by temporal shifts associated with postponement of first births due to late entry into first marriage and registered marriages.

Discussion and Conclusion. It is predicted that the number of young people will decrease until 2028 and the number of births until 2031. The negative impact of the factor of the gender and age structure of the population will last until 2030, in the 2030s the structural factor will contribute to an increase in the overall fertility rate. The research results presented in the article can be used to determine hypotheses regarding fertility prospects when developing forecasts for demographic and socio-economic development. Correct assessment of the determinants of fertility provides grounds for the development of effective measures of demographic policy with regard to fertility.

Keywords: fertility in real generations, birth order, timing shifts in fertility, total and age-specific fertility, rates component analysis, index method, Republic of Tatarstan

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ildarhanova Ch.I., Arkhangelsky V.N., Ershova G.N. Structural and Timing Transformations of Fertility – Threats to Demographic Security of the Republic of Tatarstan. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):126–143. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.126-143>

Введение. Снижение рождаемости является глобальной демографической проблемой, актуальной не только для европейских стран с традиционно низкой рождаемостью, но и для недавних лидеров – стран восточной Азии. В Китае и Японии в 2020 г. суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР) достиг 1,3, а в Южной Корее – 0,84. В странах юга Европы в 2021 г. СКР

составил 1,1 на Мальте, 1,2 – в Испании и Италии, 1,3 – Албании, Литве, Португалии и Польше. Наибольшие показатели (1,8) зарегистрированы во Франции, Чехии, Исландии, Румынии, Ирландии. Страны-лидеры прошлых лет (Швеция, Нидерланды, Дания, Бельгия) отмечены средними показателями: за 10 лет они потеряли 0,2 от своих показателей СКР (1,7–1,9 в 2012 г. и 1,5–1,7 в 2021 г.). В случае предоставления демографическим тенденциям стихийного течения они могут способствовать развитию негативных сценариев численности населения. Перспективами снижения рождаемости в России становятся интенсификация старения населения и угроза демографической безопасности. Под влиянием ряда современных вызовов с целью выявления факторов, определяющих снижение рождаемости на региональном уровне на примере Республики Татарстан (далее – РТ) в условиях пандемии COVID-19 в 2020–2022 гг. в сравнении с допандемическим периодом и с федерально-окружной и общероссийской динамикой, был осуществлен расчет и компонентный анализ динамики суммарных и повозрастных показателей рождаемости в РТ, определены и спрогнозированы их вероятные детерминанты.

Цель исследования – проанализировать динамику показателей рождаемости по календарным годам и в реальных поколениях в Республике Татарстан, выявить факторы, определяющие специфику ее детерминации дифференцированно по очередности рождения.

Обзор литературы. Ключевым различием основных теорий народонаселения является оценка степени влияния на тренды рождаемости социально-экономических, социокультурных и демографических факторов, роли демографической политики и ее результативности. Отечественные последователи теории демографического перехода, в их числе и А. Г. Вишневский, пришли к выводу о невозможности роста рождаемости до уровня замещения поколений на современном этапе, считая, что меры пронаталистской политики способствуют временному росту рождаемости, обусловленному сдвигом календаря рождений, но не могут воздействовать на механизмы саморегуляции численности населения [1; 2]. Различия в акцентах и гибкости государственной демографической политики западноевропейских стран определили градацию стран по уровню рождаемости, на что обратили внимание отечественные [3] и зарубежные исследователи¹ [4–9]. Разработчики аксиологического подхода декларируют противоположный А. Г. Вишневскому взгляд на регуляторы рождаемости с позиций микросоциологии и считают таковыми потребности в семье и детях, в браке, депопуляция определяется переходом от многодетной семьи к малодетной и однодетной, кризис основан на изменениях в межпоколенных и супружеских взаимоотношениях [7; 10–12].

Факторный анализ рождаемости и демографического поведения предполагает выявление возрастных, когортных, социально-экономических детерминант рождаемости. Исследователи рождаемости в азиатских странах [8; 9] отмечают традиционную корреляцию между показателями рождаемости и брачности, когда брачная рождаемость определяет основные тренды [13–15]. Когортный анализ

¹ Beckman L. J. Exchange Theory and Fertility – Related Decision – Making // The Journal of Social Psychology. 1977. Vol. 103, issue 2. Pp. 265–276. <https://doi.org/10.1080/00224545.1977.9713326>

рождаемости в скандинавских странах привел демографов к выводу о том, что схожая политика социального обеспечения способствовала становлению особой скандинавской модели деторождения [16; 17], для которой характерен более поздний возраст материнства по сравнению с другими европейскими странами и эффект догоняющего роста, когда среднее итоговое количество детей в когортах выравнивалось, семейная политика, направленная на поддержку занятости, предоставление услуг по уходу и поддержание высокого уровня жизни результативала в сглаживание различных временных колебаний рождаемости. На примере Норвегии демографами были рассмотрены тенденции одновременного сохранения высокого уровня рождаемости и занятости, стратегии женщин по совмещению родительства и карьеры². Финские исследователи выступили апологетами позднего родительства [18]. По мнению К. Беркли и М. Мирскиля, негативная критика позднего родительства основывалась на том, что в когортах детей, рожденных в 1950–1970-х гг., матери старшего возраста имели низкий социально-экономический статус по профессиональному и образовательному уровню, однако в когортах детей 2000-х гг. рождения у матерей в возрасте 35–39 лет был самый высокий статус, что, наоборот, оценивается ими как преимущество [19].

А. И. Антонов, В. А. Борисов, В. Н. Архангельский заложили основы факторного анализа рождаемости и демографического поведения в нашей стране. Отечественные исследователи сходятся во мнении, что пока меры демографической политики не оказывают должного уровня на тренды рождаемости³ [10; 11]. Результативность пронаталистской политики в регионах России оценивалась в работах Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, их ежегодных национальных докладах, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и региональных исследовательских центров и их демографических докладах⁴ [20; 21]. Среди основных факторов, влияющих на динамику рождаемости, статистически значимыми с высоким уровнем достоверности результатов регрессионного анализа взаимосвязи различной степени за 2000–2020 гг. определены уровень брачности и изменения доли женщин репродуктивного возраста, доли лиц трудоспособного возраста⁵. На уровне Приволжского федерального

² Ellingsæter A. L., Rønsen M. The Dual Strategy: Motherhood and the Work Contract in Scandinavia // *European Journal of Population*. 1996. Vol. 12. Pp. 239–260. <https://doi.org/10.1007/BF01797111>

³ Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Фадеева Т. А. Воспроизводственный потенциал демографического развития России / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М. : Экон-информ, 2022. 165 с.

⁴ Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / Т. К. Ростовская [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 220 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022>; Демографический доклад – 2021. Ретроспективы и перспективы воспроизводства населения Республики Татарстан (2000–2020 гг.). Монография / под ред. Ч. И. Ильдархановой. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2022. 306 с. <https://doi.org/10.51285/978-5-9690-0961-5>; Демографический доклад – 2022. Социодемографический капитал Республики Татарстан в контексте национальной безопасности (2019–2021 гг.). Монография / под ред. Ч. И. Ильдархановой. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2022. 352 с. <https://doi.org/10.51285/978-5-9690-1058>

⁵ Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н. Конвергенция региональных моделей брачности и рождаемости в Российской Федерации в 2000–2020 гг. // *CSES 2022: II Международный научно-практический форум «Инновационное и устойчивое развитие сложных социально-экономических систем»*. 2023. (Препринт)

округа (далее – ПФО) и ряда регионов частично подтверждена гипотеза о статистической значимости экономических факторов общеэкономического характера и отдельных домохозяйств [22]. В РТ исследования репродуктивного поведения и факторов рождаемости носят лонгитюдный характер. В качестве экзогенных факторов рождаемости рассматривались репродуктивные установки женщин относительно желаемого числа детей⁶ [23].

Несмотря на значительный комплекс работ по изучению факторов, влияющих на динамику рождаемости в общероссийском масштабе, не разработанными еще остаются вопросы о степени влияния возрастных показателей и структурных факторов на динамику рождаемости на региональном уровне в 2020–2022 гг. и перспективах такого влияния в течение следующих 20 лет. Нами впервые осуществлен прогноз численности населения методом передвижки возрастов на основе статистических данных 2022 г. и компонентный анализ динамики суммарных и повозрастных показателей рождаемости для календарных лет и реальных поколений индексным методом на примере РТ в сопоставлении с общероссийской динамикой.

Материалы и методы. Использование методов декомпозиции и индексного метода позволяет оценить влияние факторов интенсивности рождаемости и динамики структуры репродуктивного контингента на изменения общего коэффициента рождаемости (далее – ОКР). Среднее число рождений (в целом и дифференцированно по очередности) к определенному возрасту или в возрастном интервале было вычислено авторами на основе коэффициентов рождаемости в однолетней группировке. Применительно к расчетам показателей РТ существует ряд ограничений, связанных как с доступностью региональных статистических данных по показателям рождаемости в однолетней группировке только с 1989 г., т. е. с поколения женщин 1974 г. рождения, так и с изменчивостью совокупности населения региона вследствие миграции.

На основе статистических данных 2022 г. методом передвижки возрастов был осуществлен прогноз численности и состава населения РТ до 2042 г., проанализирована степень вероятного влияния на динамику рождаемости и перспективную численность населения региона указанных факторов.

Результаты исследования. *Динамика ОКР и СКР по очередности рождения.* Снижению общих показателей рождаемости в РТ в последние годы способствует вступление в фертильный возраст меньшего женского репродуктивного контингента 1990-х гг. рождения. Если в 2011 г. структурные изменения влияли на рост ОКР в РТ, а в 2012 г. этот фактор оставался нейтральным, то в 2013 г. вектор его влияния сменился на противоположный, его негативное воздействие возросло до 2,7 % в 2019 и 2020 гг., а в 2021 г. снизилось до 2,6 %. В 2019 г. на снижение рождаемости в большей мере повлиял фактор интенсивности рождений, действие которого отражается повозрастными показателями рождаемости. Снижение ОКР в РТ в 2020–2021 гг. было обусловлено трансформацией половозрастной структуры населения.

⁶ Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н. Образовательные траектории родителей как фактор репродуктивного поведения на примере Республики Татарстан (2013–2020 гг.) // SDTE 2022: III Международная научно-практическая конференция «Устойчивое развитие территорий: теория и практика». 2023. (Препринт)

В 2021 г. ОКР РТ превышал общероссийские показатели, что было обусловлено как интенсивностью рождений, так и структурным фактором. В 2022 г. в РТ снижение ОКР относительно 2021 г. составило 13,3 %, при этом показатель остался наибольшим среди регионов ПФО и выше среднероссийского показателя. Расчет индексным методом указал, что и в 2022 г. снижение влияния структурного фактора продолжилось, составив 2,2 %.

СКР в РТ, достигнув максимальной за 30 лет величины 1,863 в 2015 г., в последующие годы снижался, наиболее существенно в 2017 (на 0,203) и 2019 гг. (на 0,078). Наименьшим (на 0,003) было его снижение в 2020 г., а в 2021 г. СКР увеличился по сравнению с 2020 г. на 0,027 и составил 1,567, превысив показатели Российской Федерации (1,505), ПФО (1,442) и всех регионов ПФО (в Пермском крае – 1,558, в Оренбургской области – 1,545, в Удмуртской Республике – 1,544, в Республике Марий Эл – 1,531, в остальных регионах – менее 1,500). В 2022 г. снижение показателя РТ составило 0,138, или 8,8 %, темп снижения был выше, чем в Российской Федерации (5,9 % (на 0,089)) и ПФО, в котором показатель снизился на 5,5 % (на 0,790), при этом сохранилось преимущество величины показателя над общероссийским и окружным. Среди регионов ПФО Татарстан по величине показателя в 2022 г. занял 5-е место после Пермского края (1,541), Кировской (1,500), Оренбургской (1,464) областей, Республики Удмуртия (1,434).

Динамика СКР в РТ различается в зависимости от очередности рождения. По первым рождениям СКР, достигнув в 2013 г. экстремума (0,839), снижается, начиная с 2014 г. (в 2020 г. его величина не изменилась по сравнению с 2019 г.). СКР по первым рождениям в РТ в 2021 г. (0,666) был выше, чем в целом по России (0,609) и ПФО (0,579), его снижение относительно 2020 г. было незначительным – на 0,007, или 1,0 %, в 2022 г. снижение в РТ составило 0,03, или 5,0 % (0,636), в целом по России (0,595) – 0,014, или 2,3 %, в ПФО (0,577) – на 0,002, или на 0,3 %, но за счет высокой базы прошлых лет в РТ сохранился показатель выше среднего в ПФО и РФ. Среди регионов ПФО в 2021 г. в Самарской области величина этого показателя превышала 0,6 (0,605), а в 2022 г. – в Кировской области (0,662). С 2007 г. СКР по вторым рождениям в РТ почти ежегодно (кроме небольшого снижения в 2013 г.) повышался. В 2016 г. он был в 1,9 раза больше, чем в 2006 г. Основной прирост этого показателя происходил до 2015 г., а в 2016 г. он увеличился лишь на 0,008. При этом есть основания предполагать, что существенное повышение СКР по вторым рождениям продолжалось до сентября 2016 г. В январе – сентябре 2016 г. число родившихся было почти таким же (даже чуть большим), чем за этот период в 2015 г. Учитывая, что в этот период изменения в половозрастной структуре населения уже способствовали снижению общих показателей рождаемости, неизменность и даже небольшое увеличение числа родившихся привели к повышению СКР. При этом в целом за 2016 г. СКР (1,855) был немного меньше, чем в 2015 г. (1,863). Это снижение произошло только за счет снижения рождаемости в октябре – декабре 2016 г., на что указывает и значительное сокращение числа рождений по сравнению с 2015 г. По первым рождениям снижение СКР началось с 2014 г., в 2016 г. (на 0,021) оно было почти таким же, как в 2015 г. (на 0,024). По третьим и последующим рождениям повышение СКР в 2016 г. (на 0,005) было чуть большим,

чем в 2015 г. (на 0,003), а по вторым рождением, после значительного повышения СКР в 2015 г. (на 0,039), в 2016 г. его прирост был совсем небольшим (на 0,008). Вероятно, именно по вторым рождением произошла смена динамики показателей рождаемости с октября 2016 г.

В последующие годы СКР по вторым рождением в РТ, как и в целом по России, снижался и только в 2021 г. повысился, составив 0,571. СКР Республики Татарстан по вторым рождением в 2021 г. был наибольшим среди регионов ПФО (в ближайшем по величине показателя Пермском крае СКР был равен 0,560). В 2022 г. последовало снижение СКР по вторым рождением в РТ на 0,087, или на 15,0 %, сравнившись с показателем Республики Марий Эл (0,484) и уступив первенство в округе Кировской области (0,499), темп снижения показателей России (0,462) и ПФО (0,461) были более низкими и составили 0,062, или 11,8 %.

До 2021 г. СКР по третьей и более высокой очередности рождения повышался почти ежегодно (кроме 2017 г.). Величина этого показателя в Татарстане в 2021 г. (0,331) меньше, чем в целом по России (0,372) и в ПФО (0,340), в 2022 г. снижение в России в целом составило 0,013, или 3,5 % (0,372), в ПФО – 0,015, или 4,4 % (0,325); темп снижения в Татарстане был выше (6,6 %), СКР снизился на 0,220 и составил 0,309 (табл. 1).

Таблица 1. Динамика СКР в Республике Татарстан по очередности рождений (2007–2022 гг.)⁷
Table 1. Dynamics of TFR in the Republic of Tatarstan by order of births (2007–2022)

Годы / Years	Очередность / Order of birth				
	Первый / First	Второй / Second	Третий / Third	Четвертый / Fourth	Пятый и последующие / Fifth and subsequent
2007	0,731	0,493	0,120	0,024	0,013
2008	0,769	0,532	0,137	0,027	0,013
2009	0,779	0,573	0,144	0,028	0,014
2010	0,759	0,631	0,163	0,031	0,016
2011	0,770	0,659	0,174	0,031	0,017
2012	0,814	0,727	0,198	0,038	0,018
2013	0,839	0,724	0,212	0,037	0,019
2014	0,829	0,739	0,217	0,041	0,019
2015	0,804	0,778	0,219	0,042	0,019
2016	0,784	0,786	0,228	0,041	0,018
2017	0,714	0,658	0,218	0,042	0,019
2018	0,697	0,630	0,228	0,045	0,020
2019	0,673	0,572	0,227	0,048	0,022
2020	0,673	0,551	0,242	0,052	0,022
2021	0,666	0,571	0,249	0,056	0,026
2022	0,636	0,484	0,234	0,053	0,022

⁷ Здесь и далее в статье показатели таблиц и рисунка рассчитаны авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Если в зависимости от очередности рождения различается динамика показателей рождаемости, то, следовательно, различаются и факторы, ее определяющие. В случае откладывания первых рождений оно может быть связано с откладыванием и первых браков, и первых рождений в них. На откладывание первых браков косвенно указывает снижение повозрастных показателей первых браков.

Снижение СКР по первым рождением в 2018 г. составило 0,017, или 2,4 %, и произошло вопреки увеличению первичной брачности в диапазоне 18–29 лет. СКР по первым рождением в 2019 г. снизился на 0,024, или на 3,4 %, на фоне спада брачности в возрастах 18–29 лет.

В 2020 г. впервые с 2014 г. в Татарстане не было снижения СКР по первым рождением. Среди 18–19-, 25–29-летних женщин повозрастной показатель первичной брачности повысился соответственно на 2,3 % и на 0,5 %, а у 20–24-летних – снизился на 0,9 %.

В 2020 г. на фоне снижения брачности, вероятно, в связи с ограничениями в отношении торжественной регистрации брака во время пандемии COVID-19, темп снижения СКР составил всего 1,0 % (0,007). Можно предположить, что отрицательное влияние снижения брачности в конце 2020 г. и в 2021 г. в какой-то степени возмещалось позитивной динамикой первых рождений на фоне новых федеральных мер пронаталистской политики. При этом в 2021 г. значительно возросла брачность 18–29-летних женщин. Коэффициенты по первым бракам были выше по сравнению не только с 2020 г., но и с 2019 г.

Наряду с откладыванием регистрации супружеских отношений на коэффициенты рождаемости первенцев повлияла и степень распространенности их откладывания в уже зарегистрированных браках. Косвенно определить влияние протогенетических периодов позволяет оценка долей родившихся в 1–2-м годах после регистрации брака. В РТ в 2011 г. доля таковых составляла почти половину (46,2 %), но в результате ежегодного последовательного снижения в 2021 г. уменьшилась почти на 14,0 % (до 31,9 %), в 2022 г. доля составила 34,5 %. В 2018 г. снижение доли первых рождений на 1,2 % было большим, чем снижение доли родившихся в первые 2 года зарегистрированного брака (на 0,8 %), что не позволяет утверждать об увеличении протогенетического периода.

По нашим расчетам, в РТ в семейных союзах, заключенных в 2005–2006, 2008–2015 гг. в среднем на 1–2-м году брака появилось на свет 0,5 детей и более. В парах, оформивших семейные отношения в 2009 г., в течение 13 лет брака родилось 1,34 ребенка, т. е. столько же, сколько в браках, зарегистрированных в 2006 г., за 16 лет брака.

В брачных союзах с 2009 по 2015 г. регистрации в первые 3 года брака среднее число рожденных детей было 0,66–0,68, с 2016 г. и позднее – существенно меньше (табл. 2). Оценить, является ли это увеличением протогенетического периода или сокращением среднего числа детей, можно будет в последующие годы.

Таблица 2. Среднее число рожденных детей в поколениях по году регистрации брака в Республике Татарстан (на 1 брак)
 Table 2. The average number of children born in generations by year of marriage registration in the Republic of Tatarstan (for 1 marriage)

Год регистрации брака / Year of marriage registration	Среднее число рожденных детей в первые ... годы брака / The average number of children born in the first ... years of marriage																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
2005	0,21	0,52	0,64	0,72	0,81	0,89	0,97	1,05	1,11	1,16	1,20	1,23	1,26	1,28	1,30	1,31	1,32
2006	0,21	0,52	0,65	0,74	0,83	0,92	1,01	1,08	1,14	1,19	1,23	1,27	1,29	1,31	1,33	1,34	
2007	0,19	0,49	0,63	0,74	0,83	0,93	1,02	1,10	1,16	1,21	1,25	1,28	1,30	1,33	1,34		
2008	0,21	0,51	0,64	0,74	0,85	0,94	1,02	1,10	1,16	1,20	1,24	1,26	1,29	1,31			
2009	0,22	0,53	0,67	0,79	0,90	1,00	1,09	1,17	1,22	1,26	1,29	1,32	1,34				
2010	0,21	0,53	0,68	0,80	0,92	1,03	1,12	1,18	1,23	1,27	1,31	1,34					
2011	0,19	0,50	0,66	0,80	0,92	1,04	1,12	1,18	1,23	1,28	1,31						
2012	0,19	0,50	0,66	0,80	0,93	1,02	1,09	1,15	1,20	1,25							
2013	0,21	0,52	0,68	0,82	0,93	1,03	1,10	1,16	1,21								
2014	0,20	0,50	0,66	0,79	0,90	0,99	1,06	1,13									
2015	0,20	0,51	0,66	0,79	0,89	0,98	1,06										
2016	0,20	0,48	0,63	0,75	0,85	0,94											
2017	0,19	0,46	0,61	0,73	0,84												
2018	0,18	0,44	0,59	0,72													
2019	0,18	0,44	0,59														
2020	0,19	0,45															
2021	0,16																

Снижение СКР по первым рождением в 2021 г., возможно, частично детерминировано увеличением доли отложенных первых рождений в браке: снижение доли родившихся в первые 2 года брака на 2,1 % превысило снижение доли первых рождений (на 1,5 %). В отношении вторых рождений «тайминговые сдвиги» результировали в «тайминговый провал», на который косвенно указывает и отсутствие устойчивого снижения СКР в последние годы по третьим и последующим рождением, в отличие от вторых (небольшое снижение имело место только в 2017 г.). В 2021 г. впервые с осени 2016 г. СКР по вторым рождением в РТ несколько вырос. Оценка рождаемости в реальных поколениях также свидетельствует о сдвиге календарей рождений.

У женщин 1974 г. р. до достижения 30 лет среднее число вторых детей составляло 0,32, 1977–1980 гг. р. – 0,29. В более молодых поколениях среднее число вторых рождений к 30 годам повышается (1981–1982 гг. р. – 0,30; 1983 г. р. – 0,32; 1984–1985 гг. р. – 0,34; 1986 г. р. – 0,36, 1987 г. р. – 0,39, 1988 и 1989 гг. р. – 0,38), а в более молодых поколениях – снижается (1990 г. р. – 0,35, 1991 г. р. – 0,34, 1992 г. р. – 0,32). Очевидно, что здесь налицо смещения календаря рождений, так как в этих поколениях в более старших возрастных интервалах зафиксирован спад: в интервале 30–31 года для женщин 1988 г. р. – 0,09, 1989–1990 гг. р. – 0,08, в возрастном интервале 30–32 года: 1983–1985 гг. р. – 0,17, 1986 г. р. – 0,15, 1987 г. р. – 0,14, 1988 г. р. – 0,13, 1989 г. р. – 0,12.

Удельный вес первенцев в числе всех рождений в регионе составлял почти половину (49,6 %) в 2010 г., к 2016 г. снизился почти на 10,0 % (39,9 %). В 2017 г. доля немного возросла до 40,2 %, главным образом, ввиду снижения доли вторых рождений, а в 2018 г. снова снизилась, не изменилась в 2019 г. и продолжила снижение в 2020 и 2021 гг. В 2021 г. доля первых рождений (36,9 %) была на 12,7 п. п. меньше, чем в 2010 г., а в 2022 г. – увеличилась на 1,7 % (38,6 %).

Доля вторых рождений повышалась почти неуклонно (кроме 2013 г.) с 38,3 % в 2010 г. до 44,5 % в 2016 г., но к 2020 г. снизилась до уровня (38,0 %), меньшего, чем в 2010 г. В 2021 г. она немного выросла, составив 38,4 %, а в 2022 г. снизилась на 2,8 % (35,2 %).

Неуклонно повышается доля третьих и последующих рождений: в 2010 г. она составляла 12,1 %, в 2015 г. – 14,9, в 2021 г. – 24,7, в 2022 г. – 26,1 %. Таким образом, в 2022 г. доля третьих и последующих рождений увеличилась более чем вдвое относительно показателя 2010 г. Этому способствовали наиболее устойчивая динамика повышения показателей рождаемости по третьим и последующим рождением и изменения в структуре репродуктивного контингента.

Смещение распределения родившихся к более высоким очередностям рождения находит отражение и в динамике показателя средней очередности рождения: от 1,66 в 2010 г. до 1,97 в 2022 г. Средняя очередность рождения была рассчитана также с учетом суммарной рождаемости различной очередности. Различия в величинах показателя средней очередности рождения, рассчитанных двумя этими способами, могут служить косвенным индикатором характера и степени трансформации возрастной структуры женщин репродуктивного возраста.

В 2010–2013 гг. разница в величине средней очередности рождений была в пользу расчетной величины по СКР, что косвенно указывает на смещение распределения женщин репродуктивного возраста к более молодым возрастам: на

начало 2010 г. доля 20–24-летних девушек была наибольшей (17,1 % от числа репродуктивного контингента), 25–29-летних – 15,0 %, тогда как в возрастах 35–44 лет – по 13,0 %.

В 2014 г. очередность родившихся в среднем составила 1,74 по обоим вариантам расчета, а наибольшая доля женщин в рамках репродуктивного возраста была в возрасте 25–29 лет (18,0 %), доля 30–34-летних (15,3 %) превышала долю 20–24-летних (15,0 %), а доля 35–39-летних составляла 14,4 %.

В последующие годы разница между показателями очередности рождений в реальных и календарных поколениях постоянно возрастала (2015 г. – 0,01; 2016 г. – 0,03; 2017 г. – 0,04; 2018 г. – 0,06; 2019 г. – 0,07; 2020 г. – 0,09; 2021 г. – 0,11; 2022 г. – 0,13), происходит смещение распределения женщин репродуктивного возраста к более старшим возрастам. В 2022 г. в рамках репродуктивного контингента доля 30–34- и 35–39-летних женщин была наибольшей (18,7 % и 18,1 % соответственно), а доли 40–44-летних (15,4 %) и 45–49-летних (14,7 %) превышали доли в пятилетних интервалах от 15 до 39 лет.

Возрастная модель рождаемости. Возрастная модель рождаемости в РТ смещается к более старшим возрастам. В 2021 г. число рождений в пятилетних группах от 15 до 29 лет на 1 000 чел. соответствующего возраста было ниже, чем в 2010 г., с максимальным преимуществом в когорте 25–29 лет. Но если в 2010–2014 гг. коэффициент рождаемости у 20–24-летних был выше, чем у 30–34-летних женщин, то с 2015 по 2021 гг., наоборот, он был выше в интервале 30–34 лет, в 2022 г. вновь в когорте 20-24-летних (65,65) незначительно превышал показатели 30-34-летних (65,001).

В диапазонах 18–19- (кроме 2020 г.) и 20–24-летних матерей рождаемость почти неуклонно снижалась соответственно с 2015 и 2014 гг., а в числе 25–29-летних в 2020 и 2021 гг. рождаемость увеличивалась. В диапазоне 30–34-летних рождаемость снижалась с 2017 г., незначительный прирост отмечен в 2021 г. Относительно предыдущего года в 2021 г. последовало повышение в диапазоне 25–29 (на 4,2 %), 30–34 (на 2,0 %), 35–39 (на 5,7 %) и 40–44 лет (на 6,5 %) и снижение в когортах 15–19- (на 13,0 %) и 20–24-летних девушек (на 3,4 %).

В 2022 г., по сравнению с 2021 г., увеличение последовало в группе 18–19 лет (на 12,0 %), в остальных возрастных группах произошло снижение с темпом от 6 до 14 %. Смещение возрастной модели рождаемости к более старшим возрастам в РТ проявлялось в большей степени, чем в целом по России и в ПФО. По сравнению с общероссийскими показателями, коэффициент рождаемости в 2021 и 2022 гг. был ниже в возрастах до 25 лет и, наоборот, в возрастном интервале 25–44 лет выше 2021 г., а в 2022 г. почти сравнялся с общероссийским, превышение показателей России сохранилось в числе 25–29-летних матерей. По сравнению с коэффициентами рождаемости в ПФО, в Татарстане они выше во всех диапазонах старше 20 лет.

Некоторое смещение первых рождений к более старшим возрастам происходило до 2015 г. По сравнению с общероссийскими показателями, в РТ среди 15–19-летних девушек рождаемость первых детей ниже, а в 25–29 лет относительный перевес (на 22,4 %) несколько больше, чем у 20–24-летних относительно показателей по России в целом (на 16 %) и ПФО, возрастная модель рождаемости первенцев в РТ смещена к более старшим возрастам.

По вторым рождениям нет оснований говорить о том или ином устойчивом смещении возрастной модели рождаемости: соотношение коэффициентов в пятилетних интервалах от 20 до 39 лет несколько различается по годам, но не имеет выраженной динамики изменения. Возрастная модель рождаемости второй очередности в РТ в большей мере смещена к более старшим возрастам, чем в РФ и ПФО.

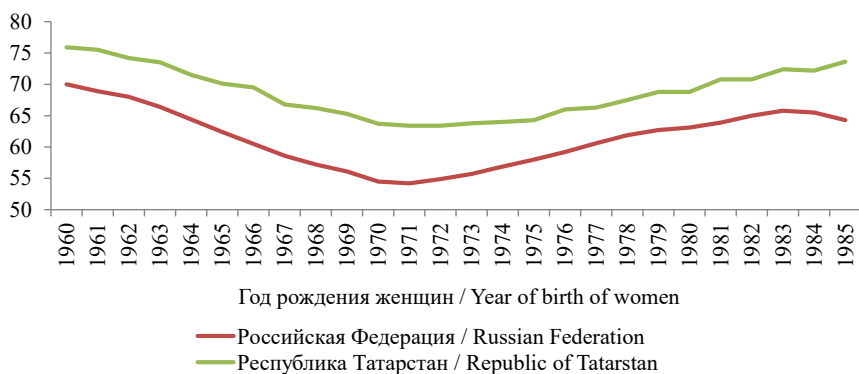
В региональной возрастной модели рождаемости третьих детей в РТ, как и в России и ПФО, экстремум находится в интервале 30–34 лет, при этом в большей мере отмечено смещение к более старшим возрастам. В отличие от республики, у российских 35–39-летних матерей рождаемость третьих детей ниже, чем у 25–29-летних, а в пятилетних диапазонах от 30 до 44 лет республиканские показатели превышают показатели России и ПФО.

Показатели рождаемости в реальных поколениях. Среднее число рождений значительно снижалось в российских поколениях 1960-х гг. р., достигнув минимума в поколениях начала 1970-х гг. р., затем в более молодых поколениях последовал рост. В РТ в 2022 г. у женщин 1979 г. р. оно было максимальным (1,72), превышало показатели по России (для женщин 1979 и 1982 гг. р. – 1,68). Среди регионов ПФО выше, чем в РТ, показатели в республиках Башкортостан (1,84), Чувашской (1,78) и Марий Эл (1,75), в Пермском крае (1,78), Оренбургской (1,82) и Кировской (1,73) областях. Разница в поколениях с наименьшим и наибольшим показателями в Республике Татарстан составила 0,07 (с 1,65 у женщин 1972 г. р. до 1,72 у женщин 1979 г. р.). В целом по России такой поколенческий прирост составил 0,1 (с 1,58 у женщин 1973 г. р. до 1,68 у женщин 1979 и 1982 гг. р.). Среди регионов ПФО более существенным, чем в Татарстане, повышение этого показателя было в республиках Марий Эл (на 0,12) и Чувашии (на 0,09), Пермском крае (на 0,12), Кировской (на 0,16), Оренбургской (на 0,12), Самарской (на 0,11) и Ульяновской (на 0,11) областях.

У женщин 1968–1969 гг. р. в РТ среднее число первых детей равно 0,92, 1970–1972 гг. р. – 0,91, 1973–1974 гг. р. – 0,90, 1975–1977 гг. р. – 0,89, 1978 г. р. – 0,88, 1979–1980 гг. р. – 0,87, 1981 г. р. – 0,86, 1982 г. р. – 0,85, 1983–1984 гг. р. – 0,84. Для женщин начала 1980-х гг. р. возможен прирост среднего числа первых рождений к концу репродуктивного периода, но не столь существенный, как у женщин середины 1980-х гг. р.

У женщин 1980 и 1981 гг. р. среднее число первых рождений в РТ совпадало с российским и было ниже, чем почти во всех регионах ПФО. Удельный вес вторых рождений среди матерей, родивших первого, по региону в поколении 1985 г. р. (73,6 %) существенно выше наибольшей (после повышения) в целом по России (1983 г. р. – 65,8 %) и самая высокая среди регионов ПФО (свыше 70,0 % она еще только в республиках Башкортостан (1983 г. р. – 72,4 %), Марий Эл (1983 г. р. – 72,2 %) и Чувашской (1984 г. р. – 72,1 %), в Оренбургской области (1985 г. р. – 71,7 %) и Пермском крае (1984 г. р. – 70,3 %).

Темп прироста от наименьшей (63,4 %) к наибольшей величине (73,6 %) доли вторых рождений среди женщин 1970–1980-х гг. р., родивших первого, в Республике Татарстан составил 10,2 %. В ряде регионов ПФО темп прироста доли таковых (как и в целом в России) был выше в республиках Мордовия (13,0 %) и Марий Эл (11,6 %), Кировской (12,9 %), Самарской (12,2 %), Ульяновской (11,5 %) и Пензенской (11,3 %) областях, Пермском крае (11,0 %) (рисунок).

Р и с у н о к. Доля родивших второго ребенка среди родивших первого в поколениях женщин 1960–1985 годов рождения (на начало 2022 г.), %

F i g u r e. Proportion of second births among first births in generations of women born in 1960–1985 (at the beginning of 2022), %

В РТ в поколениях 1970-х гг. р. максимальный удельный вес матерей троих детей среди родивших двоих детей на начало 2022 г. был у женщин 1980 г. р. (30,4 %) в целом по России (32,0 %). Среди регионов ПФО большая, чем в РТ, доля третьих рождений из числа родивших двоих детей 1970–1980-х гг. р. зафиксирована в республиках Башкортостан (1978 г. р. – 35,8 %), Марий Эл (1984 г. р. – 33,6 %) и Чувашской (1981 г. р. – 32,7 %), Пермском крае (1981 г. р. – 35,7 %), Оренбургской области (1982 г. р. – 33,9 %).

Прогноз численности населения в РТ, проведенный нами методом передвижки возрастов, позволяет утверждать, что до 2028 г. произойдет снижение численности молодежи как в РФ на 7 % – от 38,3 млн чел. до 35,5 млн чел., так и в РТ на 9 % по сравнению с 2022 г. – с 1,05 млн чел. до 0,95 млн чел. Увеличение численности молодежи (14–35 лет) в РТ и достижение наивысших показателей прогнозируется в 2038 г. у женщин и в 2040 г. у мужчин. К 2040 г. в РТ численность молодежи достигнет максимума – 1,02 млн чел. из 3,52 млн чел. населения, а в России в 2038 г. – 37,9 млн чел. из 133,63 млн чел. населения. Число рождений в РТ по прогнозу снизится на 10 %: от 36 673 в 2022 г. до 32 873 в 2031 г., далее последует рост на 16 % и к 2042 г. может составить 38 160 детей. Таким образом, негативное действие изменений в половозрастной структуре населения будет продолжаться, несмотря на снижение до 0,3 %, до 2030 г. В 2031–2042 гг. структурный фактор, наоборот, будет способствовать повышению ОКР.

Материалы исследования стали основой для разработки «Региональной программы (плана мероприятий) по повышению рождаемости в Республике Татарстан на 2023–2025 годы»⁸, которая содержит беспрецедентные меры социально-экономической поддержки семей с детьми, особенно многодетных. Программа включает следующие меры поддержки: материальное стимулирование рождаемости, помощь в решении жилищного вопроса, обеспечении и оплате мест для детей в организациях, осуществляющих образовательную

⁸ В соответствии с п. 2 постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.06.2023 № 756 «Об утверждении Региональной программы (плана мероприятий) по повышению рождаемости в Республике Татарстан на 2023–2025 годы».

деятельность по образовательным программам дошкольного образования, развитие гибких форм занятости населения в активном репродуктивном возрасте, а также ряд мероприятий, направленных на сохранение здоровья, в том числе репродуктивного и психологического, и формирование положительных установок процептивного поведения, культуры многодетности в условиях прогнозируемых нами до 2028 г. негативных для динамики рождаемости трансформаций половозрастной структуры населения. Данная программа была признана Минтрудом России одной из лучших в стране.

Обсуждение и заключение. Превышение СКР в РТ общероссийских показателей и показателей ПФО обусловлено более высоким СКР первой и второй очередности. Несмотря на превышение общероссийских и окружных показателей, СКР первой очередности низкий. Аналогом данного показателя для реальных поколений является среднее число первых рождений. В данном случае величина 0,636 гипотетически свидетельствует, что 36,4 % женщин к концу репродуктивного возраста не будут иметь детей. Однако в реальных поколениях женщин фертильного возраста прогнозируемая величина среднего числа первенцев составляет 0,83–0,84. Существенные отличия в расчетах для календарных лет и в реальных поколениях свидетельствуют о смещении календаря рождений, обусловленном откладыванием первых рождений в связи как с поздним заключением семейных союзов (это подтверждает сопоставление динамики коэффициентов по первым бракам и СКР), так и с увеличением протогенетического интервала в зарегистрированных браках (следует из данных о снижении числа рождений первенцев в первые годы брака в реальных поколениях по году заключения брака). Следует ожидать постепенное сокращение тайминговых сдвигов и некоторого повышения СКР по первым рождениям. В 2020 г. в РТ уже не было снижения СКР по первым рождениям, а в 2021 г. оно было незначительным, особенно по сравнению с тем, какое могло последовать после значительного снижения числа первых браков в связи с пандемией в 2020 г. Вероятно, негативному влиянию снижения брачности в какой-то мере противостоял эффект введения новых федеральных мер пронаталистской политики в 2020 г. После существенного повышения до 2016 г. СКР по вторым рождениям снижался и только в 2021 г. несколько повысился также ввиду «тайминговых сдвигов». Смещение календаря рождений подтверждают данные о среднем числе вторых детей в расчетах для реальных поколений. Среди матерей 1986–1989 гг. р. существенно выше относительно других когорт средний показатель рождений вторых детей в возрасте до 30 лет и, наоборот, ниже в последующих возрастах. Эти выводы подтверждаются предварительными итогами для российских реальных поколений: 1981 г. р. – 1,71, наибольший показатель для женщин 1987 г. – 1,78, для женщин 1991 г. р. – 1,65. По мнению экспертов, в ближайшие 3–4 года в России вероятно дальнейшее снижение СКР, по разным оценкам, до 1,1–1,4 [11].

Подобные тенденции мы можем наблюдать и в странах скандинавской модели рождаемости, столкнувшихся с проблемой снижения рождаемости за счет снижения первых рождений уже в 2010 г., при этом спад происходил на фоне вступления в репродуктивный возраст многочисленного поколения женщин, появившихся на свет в период «тайминговых сдвигов» 1980-х гг., что свидетельствует

об изменении модели рождаемости. Рождаемости более высокой очередности эти изменения не коснулись. Для российской модели, и татарстанской в частности, важным является именно структурный фактор движения демографической волны, что сближает ее с моделями рождаемости в развитых азиатских странах (Япония, Южная Корея, Сингапур), в которых кризис рождаемости обусловлен не изменением репродуктивного поведения женщин, согласно теории демографического перехода, а негативными тенденциями в половозрастной структуре населения. Расчет перспективной численности населения в Республике Татарстан до 2042 г. на основании статистических данных 2022 г. позволяет прогнозировать снижение численности молодежи до 2028 г. и числа рождений до 2031 г. Таким образом, негативное влияние фактора половозрастной структуры населения продлится до 2030 г. В 2030-е гг. структурный фактор, наоборот, будет способствовать повышению ОКР.

По результатам оценки динамики рождаемости в реальных поколениях, в РТ существенно более высокая, чем в ПФО и России, доля вторых рождений из числа матерей первой половины 1980-х гг. р. с одним ребенком. Это отражает относительно благоприятные обстоятельства для реализации более высоких репродуктивных планов, на обеспечение которых направлена разработанная с участием авторов статьи Региональная программа по повышению рождаемости в РТ на 2023–2025 гг., которая может служить методическим ориентиром при разработке подобных стратегических документов по развитию демографии во всех субъектах Федерации.

Перспективы исследования лежат в области обобщения европейского опыта пронаталистской политики, например, стран скандинавской модели в отношении многочисленного поколения граждан, появившихся на свет на этапе ее реализации в 1980-х гг., а также оценки результативности государственных мер демографической политики азиатских стран с традиционным семейноцентристским поведением и регионов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский А. Г. Эпидемиологический переход и его интерпретации // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 6–50. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11635>
2. Захаров С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 4–43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259>
3. Жуков Д. С., Бабараш Н. С. Анализ демографической политики в странах с низкой рождаемостью: опыт и некоторые итоги // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2021. Т. 31, № 1. С. 77–84. <https://doi.org/10.35264/1996-2274-2021-1-77-84>
4. Hart R. K., Galloway T. A. Universal Transfers, Tax Breaks and Fertility: Evidence from a Regional Reform in Norway // Population Research and Policy Review. 2023. Vol. 42, issue 3. Article no. 49. <https://doi.org/10.11113-023-09793-z>
5. Luci-Greulich A., Thévenon O. The Impact of Family Policies on Fertility Trends in Developed Countries // European Journal of Population. 2013. Vol. 29, issue 4. Pp. 387–416. <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9295-4>
6. Nishikido M., Cui Q., Esteve A. Partnership Dynamics and the Fertility Gap between Sweden and Spain // Genus. 2022. Vol. 78. Article no. 26. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00170-w>
7. Parker R., Alexander M. Factors Influencing Men's and Women's Decisions about Having Children // Family Matters. 2004. No. 69. Pp. 24–31. URL: <https://aifs.gov.au/research/family-matters/no-69/factors-influencing-mens-and-womens-decisions-about-having-children> (дата обращения: 15.11.2023).

8. Chen W. Declining Number of Births in China: A Decomposition Analysis // China Population and Development Studies. 2021. Vol. 5. Pp. 215–228. <https://doi.org/10.1007/s42379-021-00094-6>
9. Tan J. Perceptions Towards Pronatalist Policies in Singapore // Journal of Population Research. 2023. Vol. 40. Article no. 14. <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09309-8>
10. Антонов А. И. У истоков второго рождения (или возрождения) социологии семьи // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 14–18. <https://doi.org/10.31857/S013216250014121-6>
11. Архангельский В. Н. Возможности использования показателей для реальных поколений при оценке динамики рождаемости // Human Progress. 2022. Т. 8, № 2. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_2/Arkhangelsky.pdf (дата обращения: 15.11.2023).
12. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Оценка демографических установок глазами мужчин и женщин в условиях дефицита рождаемости // Женщина в российском обществе. 2021. № 5. С. 121–135. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.8>
13. Raymo J. M. The Second Demographic Transition in Japan: A Review of the Evidence // China Population and Development Studies. 2022. Vol. 6. Pp. 267–287. <https://doi.org/10.1007/s42379-022-00116-x>
14. Lu R., Gauthier A., Stulp G. Fertility Preferences in China in the Twenty-First Century // Journal of Population Research. 2023. Vol. 40. Article no. 8. <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09303-0>
15. Choi Y. A Decomposition of Declining Crude Birth Rate in South Korea, 1990–2015 // Journal of Population Research. 2022. Vol. 39. Pp. 373–389. <https://doi.org/10.1007/s12546-022-09287-3>
16. Descriptive Finding Cohort Fertility Patterns in the Nordic Countries / G. Andersson [et al.] // Demographic Research. 2009. Vol. 20. Article 14. Pp. 313–352. <https://doi.org/10.4054/Dem-Res.2009.20.14>
17. Lappegård T., Rønsen M. The Multifaceted Impact of Education on Entry into Motherhood // European Journal of Population. 2005. Vol. 21. Pp. 31–49. <https://doi.org/10.1007/s10680-004-6756-9>
18. Jalovaara M., Andersson G. Disparities in Children's Family Experiences by Mother's Socioeconomic Status: The Case of Finland // Population Research and Policy Review. 2018. Vol. 37. Pp. 751–768. <https://doi.org/10.1007/s11113-018-9485-1>
19. Barclay K., Myrskylä M. Advanced Maternal Age and Offspring Outcomes: Reproductive Aging and Counterbalancing Period Trends // Population and Development Review. 2016. Vol. 42, issue 1. Pp. 69–94. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00105.x>
20. Вакуленко Е. С. Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990–2021 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 258–281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357>
21. Валидова А. Ф. Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан // Регионология. 2018. Т. 26, № 3. С. 494–511. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511>
22. Экономические факторы повышения рождаемости в Приволжском федеральном округе: ретроспективный анализ (2000–2020 гг.) / Ч. И. Ильдарханова [и др.] // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 2. С. 288–303. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.288-303>
23. Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А., Валидова А. Ф. Диалог труда и материнства в условиях социально-экономической и территориальной дифференциации в Республике Татарстан // Регионология. 2019. Т. 27, № 4. С. 801–830. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.801-830>

Поступила в редакцию 23.08.2023; поступила после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 07.11.2023.

Об авторах:

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, доктор социологических наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, Researcher ID: N-6382-2016, chulpanildusovna@gmail.com

Архангельский Владимир Николаевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а); заведующий сектором воспроизводства

населения и демографической политики Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>, Researcher ID: T-4845-2017, archangelsky@yandex.ru

Ершова Гузель Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-0521>, ershova104@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Ч. И. Ильдарханова – концепция и дизайн исследования; научное руководство; развитие методологии; критический анализ и доработка текста; утверждение окончательного варианта статьи.

В. Н. Архангельский – развитие методологии; курирование данных; формализованный анализ данных; подготовка первоначального варианта текста.

Г. Н. Ершова – подготовка первоначального варианта текста; визуализация/представление данных в тексте.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Vishnevsky A.G. Epidemiologic Transition and its Interpretations. *Demographic Review*. 2020;7(3):6–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11635>
2. Zakharov S.V. The History of Fertility in Russia: From Generation to Generation. *Demographic Review*. 2023;10(1):4–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259>
3. Zhukov D.S., Babarash N.S. Analysis of the Population Policy in the Low Birth Rate Countries. Their Experience and Some Results. *Innovatics and Expert Examination*. 2021;31(1):77–84. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35264/1996-2274-2021-1-77-84>
4. Hart R.K., Galloway T.A. Universal Transfers, Tax Breaks and Fertility: Evidence from a Regional Reform in Norway. *Population Research and Policy Review*. 2023;42(3):49. <https://doi.org/10.1007/s11113-023-09793-z>
5. Luci-Greulich A., Thévenon O. The Impact of Family Policies on Fertility Trends in Developed Countries. *European Journal of Population*. 2013;29(4):387–416. <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9295-4>
6. Nishikido M., Cui Q., Esteve A. Partnership Dynamics and the Fertility Gap between Sweden and Spain. *Genus*. 2022;78:26. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00170-w>
7. Parker R., Alexander M. Factors Influencing Men's and Women's Decisions about Having Children. *Family Matters*. 2004;(69):24–31. Available at: <https://aifs.gov.au/research/family-matters/no-69/factors-influencing-mens-and-womens-decisions-about-having-children> (accessed 15.11.2023).
8. Chen W. Declining Number of Births in China: A Decomposition Analysis. *China Population and Development Studies*. 2021;(5):215–228. <https://doi.org/10.1007/s42379-021-00094-6>
9. Tan J. Perceptions Towards Pronatalist Policies in Singapore. *Journal of Population Research*. 2023;40:14. <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09309-8>
10. Antonov A.I. At the Origins of the Second Birth (or Rebirth) of the Sociology of the Family. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2021;(5):14–18. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250014121-6>
11. Arkhangelsky V.N. The Possibilities of Using Indicators for Real Generations in Assessing the Dynamics of Fertility. *Human Progress*. 2022;8(2):4. Available at: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_2/Arkhangelsky.pdf (accessed 15.11.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Evaluation of Demographic Attitudes by the Eyes of Men and Women under Conditions of Fertility Deficiency. *Woman in Russian Society*. 2021;(S):121–135. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.8>
13. Raymo J.M. The Second Demographic Transition in Japan: A Review of the Evidence. *China Population and Development Studies*. 2022;6:267–287. <https://doi.org/10.1007/s42379-022-00116-x>
14. Lu R., Gauthier A., Stulp G. Fertility Preferences in China in the Twenty-First Century. *Journal of Population Research*. 2023;40:8. <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09303-0>

15. Choi Y. A Decomposition of Declining Crude Birth Rate in South Korea, 1990–2015. *Journal of Population Research*. 2022;39:373–389. <https://doi.org/10.1007/s12546-022-09287-3>
16. Andersson G., Ronsen M., Knudsen L. B., Lappegård T., Neyer G., Skrede K., et al. Descriptive Finding Cohort fertility Patterns in the Nordic Countries. *Demographic Research*. 2009;20:313–352. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2009.20.14>
17. Lappegård T., Ronsen M. The Multifaceted Impact of Education on Entry into Motherhood. *European Journal of Population*. 2005;21:31–49. <https://doi.org/10.1007/s10680-004-6756-9>
18. Jalovaara M., Andersson G. Disparities in Children's Family Experiences by Mother's Socioeconomic Status: The Case of Finland. *Population Research and Policy Review*. 2018;37:751–768. <https://doi.org/10.1007/s11113-018-9485-1>
19. Barclay K., Myrskylä M. Advanced Maternal Age and Offspring Outcomes: Reproductive Aging and Counterbalancing Period Trends. *Population and Development Review*. 2016;42(1):69–94. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00105.x>
20. Vakulenko E.S. Effects of Period, Age and Cohort in the Dynamics of the Birth Rate in Russia in 1990–2021. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2023;(2):258–281. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357>
21. Validova A.F. Impact of the Demographic Policy on Birth Rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan. *Russian Journal of Regional Studies*. 2018;26(3):494–511. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511>
22. Ildarhanova Ch.I., Ershova G.N., Ershova Yu.N., Ibragimova A.A. Economic Factors of Increasing Fertility in the Volga Federal District: A Retrospective Analysis (2000–2020). *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2022;13(2):288–303. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.288-303>
23. Ildarhanova Ch.I., Gnevasheva V.A., Validova A.F. Dialogue of Labor and Motherhood in the Context of Socio-Economic and Territorial Differentiation in the Republic of Tatarstan. *Russian Journal of Regional Studies*. 2019;27(4):801–830. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.801-830>

Submitted 23.08.2023; revised 26.10.2023; accepted 07.11.2023.

About the authors:

Chulpan I. Ildarhanova, Dr.Sci. (Sociol.), Director, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, Researcher ID: N-6382-2016, chulpanildusovna@gmail.com

Vladimir N. Arkhangelsky, Cand.Sci. (Econ.), Leading Researcher, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Head of the Sector of Population Reproduction and Demographic Policy of the Center for the Study of Population Problems of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskies Gory, Moscow 119991, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>, Researcher ID: T-4845-2017, arkhangelsky@yandex.ru

Guzel N. Ershova, Cand.Sci. (History), Leading Researcher, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-0521>, ershova104@mail.ru

Contribution of the authors:

Ch. I. Ildarhanova – concept and design of the study; scientific leadership; development of methodology; critical analysis and revision of the text; approval of the final version of the article.

V. N. Arkhangelsky – development of methodology; data curation; formalized data analysis; preparation of the initial version of the text.

G. N. Ershova – preparation of the initial version of the text; visualization/presentation of data in the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.